

Шамаева Ю. Ю.,

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, г. Харьков

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ОБРАЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА РАДОСТЬ

Етнокультурна маркованість образної складової концепту РАДІСТЬ). У статті зроблено спробу дослідження валоративної специфіки образної складової концепту РАДІСТЬ, об'єктивованого в англійській (американській варіант) та українській/російській мовах, шляхом концептуально-метафоричного аналізу масиву порівнянь, отриманих через асоціативний експеримент. В результаті такого дослідження виявлено універсальні та етноспецифічні ціннісні домінанти порівнюваних лінгвокультур, що вбачається бенефакторним у термінах міжкультурної комунікації.

Ключові слова: *емоційний концепт, лінгвокультурний концепт, радість, порівняння, концептуальна метафора.*

Ethnocultural charge of the image constituent of the concept JOY. The article presents an attempt of researching into the axiological charge of the image constituent of the concept JOY, objectivized in American English and Ukrainian/Russian, by means of a conceptual-metaphoric analysis of comparisons as a result of an associative experiment. Thus, there have been universal and ethno-specific axiological dominants of the corresponding linguocultures revealed, which is considered to be beneficial in terms of cross-cultural communication.

Key words: *emotional concept, linguocultural concept, joy, comparison, conceptual metaphor.*

Кардинальным аспектом проблемы взаимоотношений мышления, языка и культуры является неисчерпанный на сегодняшний день вопрос о способах выявления этнокультурной специфики национального лингвоменталитета (Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, С. А. Жаботинская, И. С. Шевченко, G. Lakoff, Z. Kovecses и др.). Когнитивная информация порождается лингвокогнитивной системой живых существ на основе сигналов, извлекаемых из окружающей среды [3]. В этой связи, одной из базовых форм лингвоменталитета представляется аффект как вербализованный концептуальный тезаурус эмоционального опыта этносемантического коллектива [8, с. 10], организующий эмоциональную информацию в виде целостной системы концептов эмоций.

Конструируя и эксплицируя концептуализируемые эмоции как на языковом, так и на параязыковом уровнях, языковое сознание/мышление Homo sentiens присваивает им семантизированную (лексиколизованную или паралингвистическую) и потому коммуникативно релевантную культурно-детерминированную кодовую символику [1]. Это, а так-

же статус социально-биологических эмоций, среди которых одной из примарных является эмоция радости [2; 6], как “непременных величин мышления” [9, с. 26], обуславливает актуальность изучения образной составляющей репрезентированных в различных языках эмоциональных концептов (ЭК) с выявлением ценностных доминант коррелирующих аффективных лексиконов и, соответственно, сопоставляемых лингвокультур, поскольку именно образная интерпретационная составляющая является наиболее культурно-маркированной по сравнению с другими компонентами концепта [5, с. 363].

В структуре концепта РАДОСТЬ (КР) мы выделяем понятийную, значимостную, образную и ценностную компоненты [4; 5; 6]. Ввиду принадлежности эмоционального КР, моделируемого нами в виде поля [7], к лингвокультурным концептам с высокой степенью абстракции и семиотической плотности вербальной актуализации, его эссенциальные признаки, воплощенные в чувственно-образном ядре и базовом слое, соотносятся с его понятийной и значимостной составляющими, а интерпретационная периферия – с культурно-детерминированной образной компонентой, которая является **объектом** нашего исследования.

Предмет исследования составляют валоративные характеристики КР, объективированного в английском (американский вариант) и украинском/русском языках, воплощенные в образной составляющей рассматриваемого концепта (ОСКР).

Данная работа содержит фрагмент анализа ОСКР (его первую часть), который проводился по концептуально-метафорическому основанию и состоял из двух частей: 1) аксиологический анализ сравнений, полученных в результате направленного ассоциативного эксперимента (АЭ); 2) аксиологический анализ паремий и прецедентных текстов высокой степени итеративности и этнокультурной насыщенности из публицистических и художественных произведений, а также из зарегистрированных нами образцов письменной речи (ответы информантов в рамках АЭ).

Методологической основой исследования служат теория языкового сознания, концепции когнитивной семантики и лингвокультурологии, теории (концептуальной) метафоры, концептуальной интеграции и (концептуального) сравнения как “самого универсального, самого очевидно-го, но вместе с тем и самого скрытого, подлежащего выявлению элемента, определяющего форму познания ... и гарантирующего богатство его культурного содержания” [7, с. 66]. Значительную роль сравнения отметили И. М. Сеченов и А. А. Потебня, утверждавшие, что сам процесс познания есть процесс сравнения, которое имеет выход в единую концептуальную систему человека. С этой точки зрения устойчивое сравнение как способ объективации ОСКР выступает инструментом познания этнокультурной специфики концептуальной системы Homo loquens [1],

наряду с метафорой “относясь к числу тех феноменов, в которых наиболее ярко проявляется “душа народа”, его ментальный мир” (цит. А. П. Чудинова по М. В. Пименовой [4, с. 181]).

Цель представленного ниже фрагмента исследования – выявить конвергентные и дивергентные параметры национально-культурной специфики сравнений (концептуальный механизм которых сродни концептуально-метафорическому), употребляемых американцами и украинцами/русскими для описания радости, исходя из того, что выбор сравнений детерминируется как гештальтом, так и этнокультурной средой.

В АЭ, результаты которого составили материал исследования, приняли участие представители американской и украинской/российской лингвокультур (54 респондента соответственно: мужчин – 21, женщины – 33; возраст – от 18 до 69 лет; образование – (незаконченное) высшее; социальный статус – студенты, работники сферы образования и культуры, экономисты, военнослужащие, священнослужители, пенсионеры). Информантам предлагалось продолжить фразы *as happy as / as joyful as...*; *счастливый / радостный как ...*. Однотипные ассоциативные реакции рассматривались как более или менее типичные не только для определенной группы информантов, но и для языкового коллектива в целом [1; 5; 6]. При обработке результатов АЭ близкие реакции объединялись по смысловому признаку в одну, частотность реакций суммировалась.

Анализ наиболее частых ответов информантов позволяет сделать ряд выводов в отношении отраженных в сравнениях ценностных признаков ОСКР в сопоставляемых лингвокультурах.

а) В сравнениях большинства американских информантов присутствует апелляция к прототипическому случаю радости/счастья, связанному с безмятежным существованием в комфортной, привычной среде, исполнением желаний (например, обретением материального благополучия) и свободой, – *as joyful / happy as a clam / a pig in mud / in a puddle / in shit / slop / a fish / a lark / a bird / a song bird / a lark / a jaybird / a humming bird / a sparrow / a clown / a king / a bubbling brook / a song* (45). В ответах представителей славянской лингвокультуры практически отсутствует концептуализация радости как комфорта и материальных благ, но валоративный индекс свободы чрезвычайно высок – *счастливый/радостный как ветер / птица / песня / вода* (47);

б) Радость в американской и славянской лингвокультурах ассоциируется с детством или детскостью и реализацией (детских) желаний, что соответствует как преобладающей в восприятии радости гедонической, так и коэффициентной фелицитарным теориям – *as joyful / happy as a puppy (with a toy, with a bone) / a kitten / a baby / a little kid eating an icecream / a kid in a candy store / children / a child who gets the toy he really wants for his B-day / a little kid on Christmas morning / a child on a swing*

(16); *счастливый/ радостный как дитя / ребенок / младенец / теленок / кузнечик / заново рожденный человек* (42).

в) Американская индивидуалистическая аксиологическая доминанта реализуется в следующих сравнениях – *as joyful / happy as (I) can be / as possible* (16), что отсутствует в ответах украинских/российских респондентов.

г) В сопоставляемых лингвокультурах радость универсально ассоциируется со светом, солнцем, соответственно, энергией – *a spring / sunny day / sun on a rainy day / a sunrise* (15); *как восходящее солнце / луч солнца* (31).

д) Некоторые сравнения свидетельствуют об особом месте (азартных) игр и спорта в американской культуре (отлично от славянской), что интерпретируется нами как проявление состязательности – отличительной культурной особенности современного американского общества – *as joyful / happy as playing baseball / a gambler in a casino* (12). В то же время исключительно славянским ценностным признаком концептуализации радости является осмысление этой эмоции как чего-то огромного, удивительного, экзотического – *счастливый/ радостный как слон* (51 (!)), что может служить подтверждением примата духовного над прагматическим.

е) Универсально культурно значимой является радость материнства – *as joyful / happy as a pregnant woman* (27); *как роженица, как мать-героиня* (36).

ж) Особо выделяется группа сравнений, подтверждающая не только культурную и духовно-религиозную значимость КР в американской и славянской лингвокультурах – *as joyful / happy as one who has been forgiven / an angel / knowing Jesus Christ intimately / a Christian / Santa / St Nicholas / Christmas / a devout religious/spiritual person / a follower of Christ* (2) / *a cherubim before the throne of God* (23); *как Бог, как после исповеди; как после причастия; как будто из купели; как на Пасху* (24).

Таким образом, выявленные аксиологические доминанты, дальнейшая детализация и уточнение которых составляют перспективу нашей работы, характеризуют оценку Я-статуса современных представителей американской и украинской/российской лингвокультур как концептуализаторов радости и определяют этнокультурное своеобразие образной компоненты концепта РАДОСТЬ, основной лингвокультурологический смысл которого заключается в его способности отражать в своей языковой объективации специфику национального менталитета и национального характера.

Литература:

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
3. Меркулов И. П. Эволюционируют ли наши когнитивные способности? / И. П. Меркулов // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 92-102.
4. Пименова М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира / М. В. Пименова // *Studia Linguistica Cognitiva*. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – Вып. 1. – С. 172-186.
5. Попова З. Д. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Когнитивные исследования языка. Проблемы репрезентации в языке*. – М. – Тамбов, 2009. – Вып. II. – С. 358-367.
6. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко: пер. с фр. – СПб.: А-сacд, 1994. – 405 с.
8. Шамаева Ю. Ю. Когнитивная структура концепта РАДОСТЬ (на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 / Шамаева Юлия Юрьевна. – Харьков, 2004. – 260 с.
9. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
10. Ochs E. Language has a heart / E. Ochs, B. Schiffelin // *Text*. – 1989. – V. 9, №1. – P. 57-81.